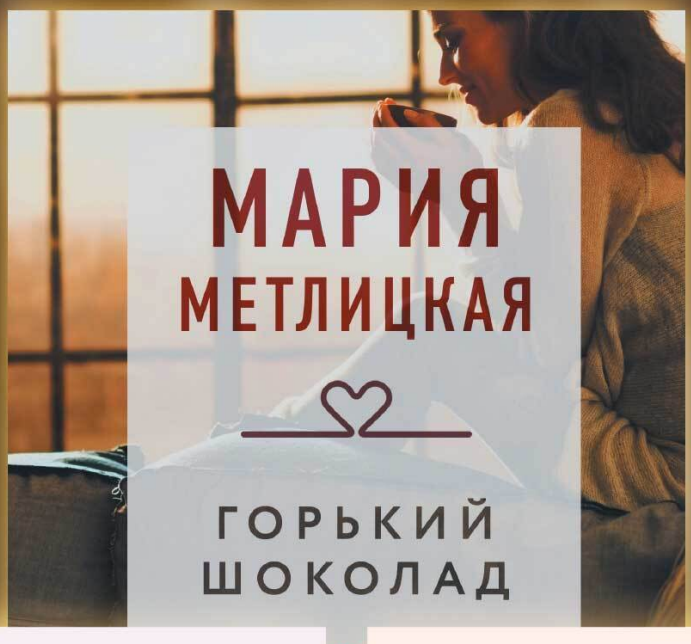
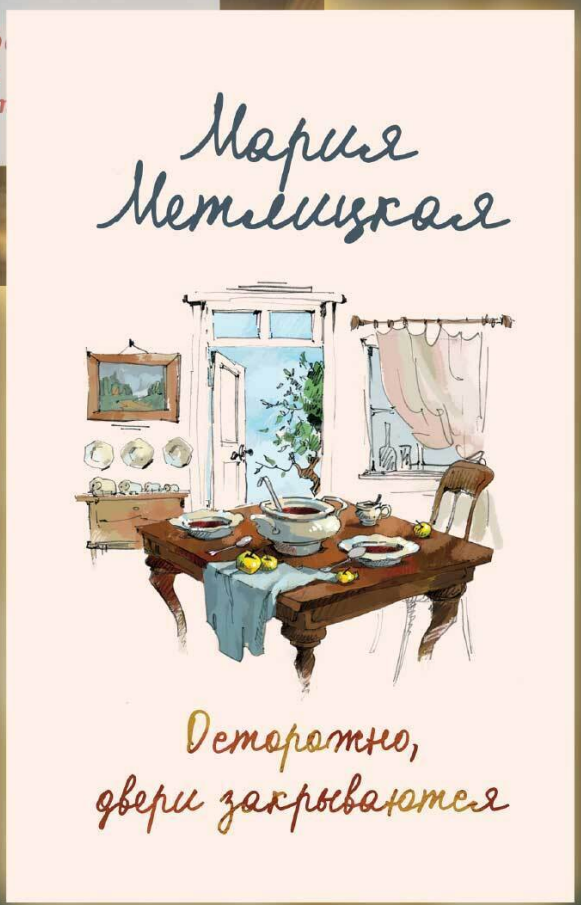
Вкус жизни

Комплект из 3 книг
Марии Метлицкой

Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой

Мария Метлицкая

Вкус жизни. Комплект из 3 книг Марии Метлицкой

«Эксмо»
2020, 2022

Метлицкая М.

Вкус жизни. Комплект из 3 книг Марии Метлицкой / М. Метлицкая — «Эксмо», 2020, 2022 — (Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой)

ISBN 978-5-04-246536-9

Комплект из 3 книг — платите меньше, читайте больше! С состав входят: Все, что мы когда-то любили, Горький шоколад, Осторожно, двери закрываются. Комплектом выгоднее, чем покупать книги по отдельности Все, что мы когда-то любили Три повести под одной обложкой. Три истории, которые читателю предстоит прожить вместе с героями. Истории о надежде и отчаянии, о горе и радости и, конечно, о любви. Так бывает: видишь совершенно незнакомых людей и немедленно сочиняешь их историю. Пожилой, импозантный господин и немолодая женщина сидят за столиком ресторана в дорогом спа-отеле с видом на Карпатские горы. При виде этой пары очень хочется немедленно додумать, кто они. Супруги со стажем? Бывшие любовники? Марек и Анна встречаются раз в год — она приезжает из Кракова, он прилетает из Израиля. Им есть что рассказать друг другу, а главное — о чем помолчать. Потому что когда-то они действительно были супругами и любовниками. В книгах истории нередко заканчиваются у алтаря. В жизни у алтаря история только начинается. История этих двоих не похожа ни на какую другую. Это история надежды, отчаяния и — бесконечной любви. Горький шоколад Можно ли быть абсолютно счастливым человеком? Наверное, нет, потому что даже в минуты острого счастья понимаешь: оно не навсегда. Да, жизнь похожа на зебру: черная полоса сменяется белой. Важно помнить, что ничто не вечно: неприятности и удачи, радости и разочарования. Но есть то, что останется с нами: любовь близких, тепло дома, радость общения. И ради этого стоит жить. Осторожно, двери закрываются В сборник вошли рассказы «Осторожно, двери закрываются», «Подарок» и «Письмо». Новелла — литературная форма, за которую берутся немногие. Не так просто показать на нескольких страницах целую жизнь, вызывая у читателей яркие эмоции и привязанность

к героям, но Мария Метлицкая неизменно справляется с этим вызовом. Ее короткие истории отличаются особой интонацией, живыми деталями и мягкой иронией, сплетенной со светлой грустью. Персонажи в них совершают не только хорошие и только плохие поступки — они оступаются и ошибаются, как все живые люди. Сборник включает в себя ранее опубликованные рассказы *Цена комплекта рассчитана исходя из базовых цен. Во время акционных предложений цена отдельных книг может меняться

ISBN 978-5-04-246536-9

© Метлицкая М., 2020, 2022
© Эксмо, 2020, 2022

Содержание

Все, что мы когда-то любили 7
Все, что мы когда-то любили 7
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Мария Метлицкая
Вкус жизни. Комплект из 3 книг Марии Метлицкой

© Метлицкая М., 2020, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020, 2022

Все, что мы когда-то любили

Все, что мы когда-то любили

Он двигался так же стремительно, как и двадцать лет назад. Или почти так же. Это была походка мужчины в самом расцвете сил, а не старика за семьдесят. И только ей были заметны крошечные изменения: чуть-чуть, почти незаметно, он стал по-стариковски пришаркивать и почти исчезла прежняя легкая пружинистость, когда казалось, что он идет не по земле, а немного «над» и вот- вот взлетит.

Да, никакой пружинистости не было. А все остальное было по-прежнему. Красивое мускулистое тело – видно даже под фирменным желтым поло. Ни грамма возрастного жирка, плоский живот и бока, красивые стройные ноги – молодой позавидует, – загар, рост, густые седые волосы, в общем, красавец.

Анна сидела за дальним столиком все того же кафе, где они встречались последние несколько лет. Сидела и нервничала, как перед первым свиданием.

Свободным оказался единственный столик под высоченным раскидистым платаном, и ее, маленькую и хрупкую – воробышка, как он ее называл, – попробуй заметь.

Он остановился, прищурился и стал озираться по сторонам.

«Пижон, – усмехнулась она. – Надень нормальные очки, старый пень, ведь ни черта не видишь!»

Но нет, очки он не надел, зато снял модные дорогущие солнцезащитные и наконец увидел ее. На его красивом загорелом лице расплылась блаженная улыбка. Он радостно замахал ей и, лавируя между столиками, стал пробираться к ее столу.

– Ну наконец-то, – облегченно выдохнул он, плюхнувшись на плетеный стул. – Ты нарочно так спряталась?

Она развела руками – дескать, сам видишь, как плотно все забито! Время ланча, что поделать.

– Перекусишь или только кофе? – заботливо спросила она.

– Перекусить? – задумчиво повторил он. – Наверное, нет, только кофе. Попробую дожить до обеда.

– Доживешь, – улыбнулась она, отпивая из чашки остывший, с осевшей пенкой капучино. – Как дорога? Доехал легко?

– Без происшествий – уже хорошо! – кивнул он, ища глазами официантку. – Немного застрял в горах возле Локарно, но это обычная история.

– Устал? – спросила она, точно зная, что он ответит.

– Немного, – неожиданно ответил он.

Ее брови взлетели вверх: ого! Впервые он признавался, что устал!

И тут она разглядела его глаза, красные от усталости, и опущенные уголки красивого рта, и почти белые брови – кажется, в прошлом году они были пегими. Или он их подкрашивал? Нет, вряд ли, это совсем не его.

Официантка, совсем молодая девочка, с большими, немного коровьими глазами, ослепительно улыбнулась и угодливо заглянула ему в глаза.

– Двойной эспрессо, – сказал он.

– И все же возьми сэндвич, – посоветовала Анна. – До обеда еще далеко.

– Ладно, сэндвич с соленым лососем, – согласился он. – Только прошу, никакого майонеза! Лосось, помидор и хаса! Тьфу, салат! – поправился он.

– Сэндвичи у нас готовые, их привозят с основной кухни, и все с майонезом, простите! – растерялась девица.

– Милая! – Он поднял глаза и пару минут изучал ее. – Сделайте так, как я вас прошу! Уверен, это в ваших силах!

Окончательно смутившись и покраснев, официантка застрочила в своем блокноте.

– А ты, Марек, по-прежнему производишь неизгладимое впечатление на женщин! – рассмеялась Анна. – И наверняка тебя это радует.

Досадливо махнув рукой, он скривился:

– А, перестань! Осталось совсем мало вещей, способных меня порадовать. А уж это… – И он снова махнул рукой.

Но чудеса – минут через десять на стол аккуратно и торжественно был поставлен именно тот сэндвич, который он попросил, – тост, копченый лосось, тонко нарезанный помидор и листья салата.

Счастливая официантка вежливо поклонилась.

Как же красиво он ел! Анна всегда любовалась. Правда, он все делал красиво – ел, спал, ходил, слушал музыку, читал книгу, одевался. И откуда такой аристократизм? Непонятно. Никаких дворян, графов и шляхтичей в его семье не было. Хотя кто знает – может, когда-то и согрешила прабабка с каким-нибудь важным паном, и правнуку это передалось.

Слева от их столика пышным цветом цвела желтая акация. Справа – кустарник с белыми пахучими цветами. Как он называется, этот кустарник? Ах да, это же жасмин! Что стало с памятью, боже! Но самое интересное – все то, что хотелось бы забыть и не вспоминать, в памяти держалось так крепко и цепко, что было ясно – это с ней навсегда.

Она глянула на него – тоненький листик салата повис на нижней губе. Да, старческая неряшливость никого не минует. И она протянула ему салфетку.

– Ну, ты доволен? – улыбнулась она.

Откинувшись на спинку стула, он кивнул и посмотрел на часы:

– Ого! Через десять минут у меня первый визит к врачу!

– Успеешь, – успокоила его она. – А кстати, ты придумал, на что будешь жаловаться?

Похоже, он немного обиделся – дурачок! Не понимает, какое это счастье в их возрасте – не иметь жалоб на здоровье!

– Ты думаешь, мне не на что пожаловаться? – обиженно сказал он. – У меня, между прочим, болит плечо! – Он на секунду задумался: – Правое, да. И еще, ты знаешь, я стал уставать. Казалось бы, не с чего, а устаю.

– Это возраст, мой дорогой! – улыбнулась Анна. – И он, увы, никого не минует. Даже таких крепышей, как ты. Это нормально, Марек, зря ты расстраиваешься. Ей-богу, зря!

«Нет, все-таки он удивительное явление природы, – подумала она. – Что называется, редкий экземпляр».

– Ну я, пожалуй, пойду. – Он поднялся. – Встретимся на обеде. Кстати, качество питания осталось на том же уровне?

– Все нормально, очень прилично. Хотя повар, кажется, поменялся.

Волоокая официантка, стоящая неподалеку, смотрела на него во все глаза.

– Ну вот, – усмехнулась Анна. – Кажется, ты разбил очередное женское сердце!

Он огляделся по сторонам и недовольно буркнул:

– Хватит делать из меня престарелого ловеласа. Кажется, я им не был даже в далекой молодости!

Действительно, ловеласом и бабником он никогда не был – был верным. Хотя бабы кружились вокруг, как осы над миской с вареньем: еще бы, такая фактура! Как говорила ее сестра Амалия, помесь Жана Маре и Жана Габена. Она смотрела ему вслед. Волоокая официантка тоже.

«Дурочка! Он же старик! – качнув головой, усмехнулась Анна и тут же вздохнула: – Бедная Шира! Он говорил, что она ревнивица».

* * *

Они с Мареком встретились, когда Анне едва исполнилось восемнадцать. Ей восемнадцать, ему девятнадцать – сущие дети.

Почему он обратил на нее внимание? Красотой она не блистала, ничего примечательного, обычная девушка. Смешные рыжеватые пружинки волос, карие глаза, чуть вздернутый нос и куча веснушек, словно солнце бросило ей на лицо целую пригоршню солнечных лучиков. К тому же крошка, крохотуля, Дюймовочка – метр пятьдесят четыре. Недоросток, послевоенное дитя. Тоненькая как веточка. Ножки, ручки, шейка – все как у подростка. Кроме одного – груди. Вот грудь ей досталась солидная – третий номер при прочих параметрах!

Выглядело это немного комично, и она яростно с этим боролась – надевала тесные лифчики, распашные рубашки и платья. Но грудь, высокая и пышная, прятаться не хотела и нагло лезла наружу.

– Чем я тебе понравилась? – спрашивала она его. – Нет, ну правда! Даже Маля куда красивее, чем я! Про всех остальных я и не говорю! Помнишь Монику? Ну, ту высокую блондинку с сиреневыми глазами? А Эву Полянски? Что, тоже не помнишь? Темненькая такая, зеленоглазая, с пухлыми ножками?

– Моника? – рассеянно переспрашивал он. – Нет, не помню. А Эва твоя – никакая. К тому же кривляка. А ты, Аннушка…

У нее замирало сердце.

– А ты, – повторял он, – ты смешная, Аня! Смешная, забавная и настоящая. И еще я очень люблю кудрявых и рыжих!

Вот этого было в избытке – и рыжести ее, и кудрявости. Была ли она смешной? Немного сомнительный комплимент для девушки.

А то, что она настоящая – что он имеет в виду? Что значит «настоящая»? А все остальные – искусственные?

Ну ладно, хватит к нему приставать. Да и вообще, ей достался самый красивый, лучший парень в городе. И нечего мучиться дурацкими вопросами! Любят ведь не за что-то, правильно? Любят, потому что… Любят.

Анна знала, что он ее любит. Знала и чувствовала. Интуиция у нее была о-го-го. И она его любила. Как? Ей-богу, смешно! Все эпитеты казались ей ужасно пошлыми – до безумия, до остолбенения, до дрожи в ногах, до безрассудства, до смерти. До какой смерти, о чем вы? Они так молоды и только встретились. И впереди у них долгая, длинная и счастливая жизнь.

Анна готова была на все – уехать за тридевять земель, жить в шалаше, есть пустой хлеб, ходить в обносках, ухаживать за ним, умереть ради него – всё, достаточно?

Была весна, и любимый город пах свежестью, распустившейся сиренью, дождем, влажной листвой, масляной краской, которой обновляли скамейки. Город пах жизнью, надеждой, свободой, любовью. Потому что закончилась война, потому что весна.

Каждый вечер он ждал ее у калитки.

Семья Анны жила в крошечном собственном домике на окраине города: три комнатки плюс кухонька и сарайчик с садовым инвентарем в саду. Впрочем, какой там сад? Слишком громкое слово. Это был палисадник, и он тоже был маленьким, кукольным – две яблоньки, вишня, остальное цветы. Цветы заполняли все пространство – вдоль узенькой дорожки от калитки к крыльцу росли пионы, астры, хризантемы, флоксы, гладиолусы, мускарии и бархотки. Они щекотали коленки и голени, а после дождя мокрые цветы склоняли головы, и у Анны всегда промокали туфли и гольфы.

Цветы разводила Анна, она их обожала. Но кроме любви и удовольствия они приносили доход. Громко сказано, но девочкой Анна собирала букеты и продавала их на перекрестке. Копейки, а все же помощь – жили тяжело, голодно. Послевоенное время, вдова и две дочери. Женское царство – мама, Амалия и она, Анна. Отец погиб в сорок четвертом. Милейший, тишайший и добрейший человек. После похоронки мама замкнулась, замолчала. Нет, обязанности свои она выполняла – в доме всегда была еда и стерильная чистота. Весь дом в вышитых и вязаных скатертях и салфетках – пани Тереза постоянно вязала. «Чтобы не сойти с ума», – говорила она.

Денег катастрофически не хватало, зарплата у мамы-бухгалтера была крошечной. Окончив восьмилетку, старшая, Амалия, устроилась нянечкой в детский сад. Стало немного полегче, но по-прежнему считали каждую копейку.

Окончив десятилетку, Анна собралась на работу, но мать заставила ее поступать в институт. «Хоть одна из моих дочерей должна получить образование, – твердила пани Тереза. – К тому же ты, Анна, умница и светлая голова!»

Это была чистая правда – любой предмет давался Анне легко, будь то математика или литература. «Очень способная девочка, – говорили про Анну учителя. – Пани Малиновски, Аннушка обязана продолжить учебу».

Амалия обиделась. А кто бы на ее месте не обиделся? Ей выливать горшки и подтирать детские задницы, а младшенькая – студентка! Институт – это новая, интересная жизнь, молодежные компании и симпатичные парни, свидания и влюбленности, а дальше – хорошая работа, уважение и хорошее жалованье. А женихи? Где, скажите на милость, взять в детском саду кавалера? Будущее Амалии было туманным, скорее всего, ее ждала участь старой девы.

Мама Анной гордится, а что гордиться Амалией?

Зато Амалия развела огород. Правда, за него пришлось побороться – рыжая вредина не хотела отдавать и полметра земли! Ничего, справилась! Еще бы не справиться с этой малявкой!

Хотя огород – это смешно. Иметь настоящий площадь не позволяла. Но у забора на аккуратных, словно игрушечных, грядках росли укроп и сельдерей, клубника и огурцы, кабачки и даже картошка. И пусть всего было ничтожно мало, но Амалия с гордостью резала салат из собственной редиски и зеленого лука и со стуком ставила на стол миску с первой клубникой.

Правда, мама это не оценила – возни много, а толку чуть! Да и цветы куда красивее: цветы – удовольствие, а твоя морковка толщиной с волос. И так всегда – у маленькой все хорошо, а у нее, у старшей, все вечно не так. А ведь Амалия думает о хлебе насущном, а студентка витает в облаках, огород ее не интересует. Зато клубнику и редиску трескает за милую душу, но продолжает возиться со своими цветами! А что от них толку?

По вечерам, когда Анна торопливо выбегала на свидание, Амалия с завистью смотрела в окно.

«Счастливая, – вздыхала она. – И парень такой высоченный и, кажется, симпатичный. Правда, скромный – в дом так ни разу и не зашел. А эта дурочка влюбилась по уши – краснеет, бледнеет, кусает губы. Даже ресницы накрасила! А все равно смешная – нелепая, маленькая, как подросток. И совсем некрасивая».

– Не завидуй, – поймав завистливый взгляд старшей дочери, бросила мать. – Никто не знает, какая кого ждет судьба.

Как в воду глядела.

Все – правда. Разве мог кто-то предвидеть, что ждет беспечную, веселую и счастливую Анну? Ой, не дай бог. Не дай бог пережить то, что досталось сестрице. Бедная, бедная Анна, а все так хорошо начиналось…

Что делают влюбленные? Влюбленные гуляют по улицам, сидят в парках и скверах, едят мороженое, бегают в кино и ходят на танцы. И, конечно, без конца целуются и обнимаются.

Встав на цыпочки, Анна тянулась к любимому. Он легко брал ее на руки:

– Воробушек! Ты мой воробушек, совсем невесомая. Надо тебя покормить!

И они шли в любимое кафе, где ели бублики, булочки, запивая все это горячим кофе, но Анна все равно оставалась худышкой.

Ее любимый Марек, оказалось, из богатой семьи – ничего себе, а? Отец – известный дантист с собственным кабинетом. Жили они в самом сердце города, у рыночной площади, где селились очень обеспеченные люди. К тому же у них была домработница, а хозяйка дома, мама Марека, никогда не работала.

– А что же она делает день напролет? – удивлялась Анна. – Ей не скучно?

– Что ты, – смеялся Марек. – Ей всегда не хватает времени. Встает она не раньше полудня. Потом пьет кофе и разговаривает по телефону. Дает указания Зосе, нашей работнице. Потом едет к портнихе или в магазин. Дальше встречается в кафе с подружками, пани Маркевич и пани Вайсман. И они снова пьют кофе, едят пирожные, обсуждают наряды и сплетничают. А когда наговорятся – дело к вечеру. В общем, домой она возвращается уставшая, и ей надо срочно прилечь. Вечером приходит отец, и начинается ужин. А там недалеко и до сна. Но перед сном опять телефон, и снова пани Маркевич и пани Вайсман, просмотр журналов мод, легкое чтение и – бай-бай, матушка утомилась!

– И так каждый день? – не могла поверить Анна. – Нет, так можно рехнуться.

Он пожимал плечами:

– Она так привыкла. – Кажется, ему становилось неловко, и он добавлял: – Нет, еще они ходят в театр, в кино и в гости и иногда принимают у себя. А это, знаешь, тоже работа, – шутил он. – В общем, жизнь насыщенна и многообразна! Правда, – тут Марек хмурился, – мама часто болеет и подолгу лежит в больнице. У нее было страшное детство, погибла вся семья и родня, и это, конечно же, не прошло бесследно.

Анна сочувственно кивала: болезни – это ужасно. Ее мама приходила с работы с темными синяками под глазами и жаловалась, что слепнет от цифр – мелких, как назойливые мухи. И Анна видела, как мама устает. А мама крепкая, сильная женщина. Нет, замечательно, что мама Марека может не ходить на службу! И здорово, что пан Ванькович, его отец, хорошо зарабатывает! А пани Тереза, Аннина мама, получив жалованье, садилась за стол и с тяжелым вздохом принималась раскладывать деньги – за электричество, на новые чулки, сколько можно штопать старые, на мясо, на подарки к Рождеству. И каждый раз у нее становились мокрыми глаза.

Да, все живут по-разному, такая вот правда жизни. Но если бы был жив папа, все было бы совсем по-другому! Всё! И мама была бы веселой и неплаксивой, и они бы не покупали свиные обрезки с жилами, а покупали настоящие куски мяса и запекали бы его в духовке, как делали раньше, до войны, как любил папа – с чесноком, розмарином и мелкими картофелинами.

Нет, тушеная капуста или картошка с обрезками были тоже вкусными, но большой, истекающий соком кусок мяса Анне снился ночами.

Месяцев через восемь пани Тереза не выдержала:

– И где твой кавалер, Аннушка? И, кстати, какие у него намерения? Он что-то вообще говорит?

– Говорит, – пролепетала смущенная Анна, – говорит, что любит меня.

Амалия расхохоталась:

– Ну ты и дурочка, Анна! Мама имеет в виду совершенно другое.

Анна уставилась на сестру.

– Не понимаешь?

Амалия скривила презрительную гримасу:

– Он замуж тебя зовет или как? Или вы просто…

– Зовет, – перебила ее Анна, – говорит, что жить без меня не может и что мы обязательно будем вместе.

– Да? – желчно осведомилась сестра. – Ну знаешь, это как-то расплывчато… В этом деле, дорогая, нужна конкретность!

– Ну конечно, ты у нас самая умная и самая опытная, – не выдержала мама, видя, как потухла младшая дочь. – Раз есть разговоры на эту тему – уже хорошо. Ну не самой же Анне делать ему предложение!

Но самое смешное, что через два дня, ровно через два дня, как будто подслушал их разговор, Марек сделал ей предложение.

– Замуж? – переспросила Анна, вспыхнувшая от смущения. – А твои родители в курсе?

– Пока нет, – нарочито бодро ответил он. – Но, кажется, сначала полагается попросить руки у родителей невесты?

– Если честно, то я не знаю, – прошептала Анна. – Такое со мной в первый раз.

Марек в голос расхохотался:

– Со мной, между прочим, тоже! И опыта у меня никакого, поверь.

И вдруг Анна расплакалась.

Растерянный и перепуганный, Марек крепко сжимал ее в своих объятиях и целовал мокрое, зареванное лицо.

Чуть позже, когда она успокоилась, он отодвинул ее от себя и с тревогой спросил:

– Ну а вообще? Ты согласна?

Конечно, она была согласна, еще бы! Такого, как Марек… Таких больше нет на всем белом свете – ни одного, даже не стоит искать! В этом Анна была уверена.

В первые же выходные было назначено знакомство с мамой и сестрой. И началась суета – пани Тереза пересчитывала деньги и охала, что на хороший стол точно не хватит.

– Ой, а еще же вино! Или шампанское? Что пьют на помолвку? Или это не помолвка, а просто знакомство? Матка боска, что делать, с кем посоветоваться? – бормотала она. – С соседями или с сотрудницами? Нет, только не это. А вдруг все сорвется? Как тогда? Языки у всех с километр, понесут по знакомым: младшая Малиновски выходит замуж. Еще старшую не отдали, а тут эта малявка! А закуска, а горячее? А посуда? Сервиз совсем плох, тарелки со сколами, скатерть старая, обтрепанная – стыдоба. А он из приличной семьи! И осталось всего-то три дня! Нет, они ничего не успеют! Не успеют и предстанут перед женихом неряхами и ободранками!

Но кое-как все разрешилось. На столе лежали кружевные салфетки, сервиз одолжили у соседа, одинокого вдовца, которому было не жалко посуды: «На что она мне, милая пани?»

И отлично подошло тесто, и знаменитые пирожки с вишнями и капустой получились отменными, и картофельные клецки не расползлись, и селедка оказалась малосоленой, а свекла – сладкой. Но самое главное – мясо! Вечером в пятницу, под самый конец базара, пани Малиновски отхватила замечательный кусок свиной шеи. Это была большая удача!

И теперь, издавая немыслимый аромат, нашпигованная чесноком и морковью шея шкворчала и шипела в духовке.

Шампанское отменили, остановились на вине. В конце концов, мы не французы, да и времена сейчас не самые сытые. В общем, к приему жениха все были готовы.

Ах, как нелепо выглядел ее жених – белая узковатая рубашка, черные брюки, приглаженные влажные кудри, но самое главное – галстук! Нелепейший голубой галстук с желтыми горошинами и блестящим отливом!

Она смотрела на него и хохотала:

– Ну какой же ты смешной, Марек!

Он немного обиделся:

– Я же старался… – Но галстук с удовольствием стянул и с облегчением сунул в карман.

В руках он держал большой букет желтых тюльпанов и какой-то бумажный сверток.

– Что это? – спросила Анна.

– Кекс с изюмом к чаю, – растерялся он. – А что, не надо было?

– Сойдет, – вздохнула Анна. – Но мама готовится серьезно: и пирожки напекла, и эклеры.

Переглянувшись, они взялись за руки и наконец вошли в дом. В доме пахло праздничной, давно позабытой едой.

Анна прикрыла глаза и втянула забытые запахи – когда это было? Нет, дни рождения, разумеется, отмечали, но скромно и без размаха – пирог с яблоками или с вареньем, салатик и голубцы. В голубцы можно положить совсем немного мяса и много риса.

В прихожую вышла Амалия, в лучшем платье, с круто завитыми локонами, подкрашенными ресницами и губами. Красавица. Следом появилась и мама – ее единственное старенькое праздничное платье было прикрыто передником. От мамы пахло ванилью и тестом.

После обычных приветствий сели за стол.

Амалия с интересом разглядывала будущего родственника. В ее голубых круглых глазах читалось удивление, которое она и не собиралась скрывать, – ну ничего себе, а? Эта пигалица, эта соплячка – и ухватила такого кавалера, такого красавца? Ну где справедливость, ей-богу? Она, Амалия, высокая, стройная, длинноногая и красивая, сидит сиднем и, скорее всего, останется на бобах. А эта малявка… А Марек и вправду красавчик. Ничего не скажешь – просто писаный красавчик. И, кажется, скромный, воспитанный. Вот повезло.

Разговор почему-то не клеился. Смущаясь, пани Тереза слишком настойчиво предлагала то одно блюдо, то другое. Смущался и Марек – от настойчивости хозяйки, от слишком пристального и насмешливого взгляда сестрицы Амалии, от странных вопросов будущей тещи: «А в каком районе вы живете? А чем занимаются ваши родители?»

Анна хихикала и дергала его за руку. Они переглядывались, и больше всего им хотелось поскорее сбежать. Но Марек собрался с духом и попросил Анниной руки.

За столом воцарилось молчание.

– Рановато, конечно, – хриплым от волнения голосом сказала пани Тереза. – Даже не рановато, а рано! Второй курс, Анна совсем ребенок.

Пани Тереза громко вздохнула.

Марек испуганно глянул на Анну.

– Но раз вы решили, – снова вздохнула пани Тереза, – возражать я не стану.

Пробормотав «спасибо», Марек крепко сжал руку Анны.

Сбросив напряжение и, кажется, успокоившись, будущая теща принялась обсуждать свадьбу и считать гостей. И тут официальный жених окончательно растерялся.

– Все-все, – успокоила его пани Тереза. – Конечно, я не права: и стол, и количество гостей мы будем обсуждать с вашей матушкой, верно? Молодые тут ни при чем.

– Еще чуть-чуть, – шепнула ему Анна. – Сейчас горячее, а потом кофе – и все, мы свободны! Час от силы, не больше, терпи!

Жених удрученно кивнул.

Плавно и торжественно выплыв из кухни, пани Малиновски водрузила на стол блюдо с запеченной свиной шеей. По комнате поплыли вкуснейшие запахи жареного мяса, чеснока и трав. Анна потянула носом.

Отрезав большой, сочный, розоватый внутри и блестящий снаружи кусище, хозяйка протянула тарелку гостю. Вытянув шею, Марек посмотрел на содержимое тарелки, отпрянул, вздохнул и пробормотал:

– Простите, пани Тереза, но… Это свинина, верно?

Удивленная, пани молча кивнула.

– Простите, – повторил гость, – я свинину не ем. Я очень ценю ваши хлопоты, да и мясо выглядит просто роскошно, но сто раз простите! И, кстати, – он делано оживился, – я уже объелся! Ваши пирожки и салаты – это какое-то чудо!

За столом воцарилась мертвая тишина.

Анна с испугом смотрела на мать. Пани Малиновски пыталась взять себя в руки, но, кажется, это не получалось. Удар был нанесен в самое сердце – как ей досталось это мясо! Как отрывала она от сердца деньги, отложенные на туфли для Амалии! Как боялась, что оно пересохнет или не будет достаточно мягким! Как гордилась, что основным блюдом будет запеченная шея! Но она взяла себя в руки:

– А-а-а, – с пониманием протянула она, – у вас проблемы с желудком? Вы не переносите свинину, это слишком жирно, верно?

Ситуацию можно было спасти. Но нет, не получилось.

Неблагодарный жених покачал головой:

– Нет, уважаемая пани. С желудком у меня все нормально. Просто… – Ища поддержки, Марек коротко глянул на Анну. – В нашем доме не принято есть свинину. Мой прадед был раввином. Его я, разумеется, не помню, прадед, как и вся остальная семья, погибли в Освенциме. Мы не соблюдаем все так, как было когда-то, да и мой отец чистокровный поляк. Но свинина в нашем доме… Ее не бывает. Мама даже не переносит ее вида и запаха. Простите, но это привычка.

Анна взяла любимого за руку.

Амалия переводила взгляд с матери на сестру. Лицо пани Терезы пошло красными пятнами, но она нашла в себе силы улыбнуться.

– Теперь все понятно, – сказала она. – Слава богу, что вы здоровы! А виновата во всем, – она сурово глянула на младшую дочь, – наша Анна! Это она должна была сказать, предупредить! В конце концов, я могла запечь петуха. Если бы удалось его достать… – пробормотала она.

– Извините, – повторил Марек.

– Я не знала, – тихо проговорила Анна. – Прости, мама, но я правда не знала.

Ситуацию спасла Амалия:

– Ну вы как хотите, а лично я приступаю к горячему!

Все понемногу приходили в себя, только пани Тереза бросала на Анну укоризненные взгляды.

Потом были кофе и мамины эклеры, а вот кекс, принесенный будущим зятем, пани Тереза на стол не поставила – развернув бумагу, брезгливо отодвинула его в сторону – отомстила.

Распрощавшись, молодые выскочили на улицу. Выйдя за калитку и взявшись за руки, почему-то бросились бежать. Бежали, пока не задохнулись. Остановившись, Марек крепко прижал ее к себе.

– Подвел я тебя, а, Аннушка? Сильно подвел?

– Какие глупости! – воскликнула Анна. – Мама права: это я должна была спросить тебя, что ты любишь и вообще что ты ешь. Лично у меня от жирного ночью болит живот. Вот и отлично – в нашем доме не будет свинины. Ну что, в кино или в парк?

– Подожди, – остановил он ее, – скажи… только честно! То, что я сегодня сказал, никак не повлияет на нашу свадьбу?

– Ты о чем? – улыбнулась Анна. – О том, что ты не ешь свинину?

– Ты понимаешь, о чем я говорю, – нахмурился он. – Не притворяйся.

– Конечно, понимаю, – кивнула она. – Марек, ну конечно же, нет! Мама расстроилась из-за мяса, а не из-за того, что ты еврей. Как ты мог такое подумать? Но я тебя понимаю, – тихо добавила Анна, – у тебя есть все основания.

Они долго молчали. Спустя какое-то время он улыбнулся:

– А знаешь, мне кажется, что все равно все прошло неплохо, ну если бы не это дурацкое мясо! И мама у тебя славная, и сестра. А вот тебя, Аннушка, ждет испытание посильнее. Моя матушка дама сложная, и это мягко говоря. С отцом все проще, он очень занят и много

работает. Честно говоря, ему до меня нет никакого дела. И эти разговоры про свадьбу, стол и родню… Ох, Аннушка… Не знаю, что из этого выйдет. Моя мать человек сложный и странный, в ее жизни было много горя и слез. Страшная судьба, страшная. И ее нынешняя жизнь, как мне кажется, ее праздный образ жизни – компенсация за страдания. Но в любом случае с ней будет непросто.

– Скажи, – тихо спросила Анна, – а она… не будет против того, что я не…

– Нет, – перебил ее Марек, – вот здесь точно нет! Мой отец – поляк, а не еврей. И я думаю, она специально вышла замуж не за еврея. Как-то она сказала: не хочу, чтобы мой ребенок страдал так, как я, не хочу, чтобы он носил еврейскую фамилию. Она хотела вырваться из этого горестного круга, не слышать разговоры про гетто и концлагеря, забыть все, как ужасный сон, забыть погибших близких. В общем, отдалиться от того, что с ними случилось. Ей казалось, что это возможно… Мы не отмечаем еврейские праздники, но каждую неделю у себя в комнате она зажигает субботние свечи. Не молится – во всяком случае, я этого не видел. И все же на Песах, самый главный еврейский праздник, на нашем столе лежат горькая зелень и хрен, символы горечи египетского рабства, маца, пресный хлеб, куриное крылышко и отварное яйцо. И мы выпиваем четыре бокала вина. Пожалуй, это все, что осталось от ее прошлого. Да, и еще: в нашем доме не бывает свинины – Эстер не переносит ее вида и запаха. Это все с детства, впитано с кровью. А в остальном мама вполне светская дама!

– Я понимаю, – кивнула Анна. – А когда мы пойдем к твоим?

– Я тебе скажу, – запечалился Марек. – Не думаю, что будет просто договориться.

* * *

Анна сидела в роскошном зале ресторана и посматривала на дверь. Марек опаздывал.

Отель-санаторий располагался в старинном особняке XIX века. Конечно, его перестроили, но к старине здесь относились серьезно и все, что смогли, сберегли. В холлах стояла старинная, обитая натуральным шелком мебель, узкие английские книжные шкафы с книгами на разных языках, журнальные столики на гнутых затейливых ножках. В солнечные дни стекла причудливых окон горели витражами модного в начале XX века ар-нуво. В ухоженном парке били фонтанчики, окруженные амурами с отбитыми носами и пухлыми, не всегда целыми пальцами.

Но самым роскошным был ресторан с мраморными колоннами, с лепниной на потолке, с инкрустированным полом. В каждом углу стояли огромные, полные свежих цветов вазы. Неслышно, словно скользящие конькобежцы, мелькали услужливые, понимающие все с полувзгляда стройные официанты.

Анна пила холодный яблочный сок и смотрела на часы. Ну вот наконец: близоруко щурясь, Марек оглядывал зал.

Анна помахала ему рукой.

Он направлялся к их столику. Анна смотрела на бывшего мужа. Да, пожалуй, не только она – пара вполне молодых, к сорока, женщин, модных и ухоженных, проводили его долгим и заинтересованным взглядом.

«Бедная Шира! – в который раз подумала Анна. – Впрочем, эти истории не про Марека. Хотя… кто его знает? Как говорится, седина в голову, бес в ребро. Но это уже не мое дело. Слава богу, что не мое».

– Ты заказала? – присаживаясь, спросил он.

– Только суп, – ответила Анна. – А уж горячее сам. Откуда мне знать, что ты захочешь?

– Аннушка, – укоризненно ответил он. – Мои вкусы не изменились, они так же примитивны и незатейливы, как и сорок лет назад.

Подошел официант и, вежливо поклонившись, поставил на стол две глубокие тарелки с горячим супом и объявил:

– Уха из трех сортов рыбы. Приятного аппетита! Да, господин, что вы желаете на горячее?

Уха была хороша. Мясо, которое выбрал господин, тоже. Анна ела курицу.

– Почему не мясо? – удивился он. – Ты же так любишь мясо!

Анна грустно усмехнулась:

– Ну какой же ты недогадливый! Не у всех в наши годы свои зубы и не все могут жевать жареное мясо.

Его брови взлетели вверх – кажется, он искренне удивился.

– Ну как твои процедуры? – спросила она. – Ты доволен?

Неопределенно пожав плечами, он сделал глоток воды.

– Доволен, недоволен – какая разница? Я приехал сюда не за процедурами.

Анна молчала.

– Я приехал сюда за тишиной, – продолжил он, – за сервисом, хорошей едой и видом Карпат из окна. И еще, – улыбнулся он, – и самое главное, чтобы увидеть тебя.

Анна смутилась, покраснела как девочка и, уткнувшись в тарелку с фруктовым салатом, сердито пробурчала:

– Вот уж истинная радость – увидеть меня! Впору позавидовать, честное слово!

Он нежно погладил ее по руке.

После обеда гуляли в парке. Немного прошлись и присели на скамейку в тени густой старой липы, неподалеку от фонтанчика с купидоном.

– Ну рассказывай, – потребовала она, – и все по порядку! Про детей, про Ширу, про бизнес. И главное – про себя!

– Сначала ты, – запротестовал он. – Ты первая!

Анна вздохнула.

– Мне нечего рассказывать, Марек. В моей жизни нет никаких изменений. Все ровно так же, как было в прошлом году. – Анна задумалась. – И ты знаешь, я очень этому рада!

Он принялся рассказывать ей про детей, сына и дочь, и был недоволен обоими: сын – бездельник и прожигатель жизни, типичный представитель золотой молодежи, на уме одни гулянки и ночные клубы, в общем, история знакомая и невеселая.

– Парень он неплохой, добрый и даже чувствительный, но стержня в нем нет, странно, правда? Ведь я и Шира… Совсем другие. В общем, вряд ли из него что-то получится. А Эстер… здесь тоже все непонятно. Никаких стремлений, понимаешь? Вообще никаких! Нет, она хорошая, но… странная она получилась – ни за руль не садится, ни карьеры не хочет. В кого она, а? Точно не в мать. Ты же знаешь, Шира – страшная карьеристка, человек жесткий, самодостаточный. А эта хочет замуж и кучу детей. Всё! В общем, Аннушка, упустили мы своих детей. Надо честно признать, что неправильно их воспитали.

– Глупости, – горячо возразила Анна. – Просто у каждого свой путь, вот и все! То, что Эстер такая домашняя, это прекрасно! А что Илан оболтус – так и это нормально! Ты же сам говоришь: парень добрый, душевный! Сердце есть, а это главное. Что бездельник – так жизнь ему позволяет! А если припрет, не дай бог, разумеется, все будет нормально, поверь! Просто у твоих детей, – Анна немного запнулась, – все было с самого детства. А это, как понимаешь, расслабляет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.